

Кросс-культурный анализ восприятия социального статуса пожилыми людьми в Российской Федерации и Китае

Павлова Лариса Болеславовна

Начальник отдела по взаимодействию с институтами гражданского общества управления внутренней политики аппарата губернатора и Правительства Амурской области

ORCID: 0009-0000-5846-0892, e-mail: larisa_pavlova_22@mail.ru

Правительство Амурской области, г. Благовещенск, Россия

Аннотация

Осуществлен кросс-культурный анализ результатов эмпирического исследования, проведенного среди пожилых людей в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) и Китае. Исследование проведено на основе данных анкетирования. Целью настоящего исследования является сопоставление ключевых аспектов жизни пожилых людей в двух странах, включая социальное и психологическое благополучие, здоровье, экономическую активность и участие в жизни общества. Методология исследования включает количественный анализ данных анкетирования с применением статистических методов для выявления статистически значимых различий и взаимосвязей между переменными. Основные результаты исследования демонстрируют психологические и культурные различия в восприятии своего социального статуса пожилыми людьми в России и Китае. Так, в России отмечается более низкий уровень социальной активности, в то время как в Китае наблюдается большая вовлеченность в семейные связи и традиционные формы занятости после выхода на пенсию. Результаты исследования могут быть полезны для более результативных социальных программ в России для улучшения качества жизни пожилых людей. Перспективы исследования включают дальнейшее углубленное изучение факторов, влияющих на психологическое благополучие пожилых людей, с учетом социокультурных особенностей регионов России и Китая. Для формирования социально активного населения пожилого возраста необходимо учитывать культурные контексты при разработке и реализации комплексных программ для пожилых людей. Также требуется лонгитюдное исследование факторов социальной активности пожилых людей в социально-экономических условиях.

Ключевые слова

Пожилые люди, кросс-культурный анализ, Россия, Китай, анкетирование, психологическое благополучие, социальное благополучие, старение

Для цитирования: Павлова Л.Б. Кросс-культурный анализ восприятия социального статуса пожилыми людьми в Российской Федерации и Китае // Вестник университета. 2026. № 2. С. 275-287.

Cross-cultural analysis of social status perception by elderly people in Russia and China

Larisa B. Pavlova

Head of the Department for Interaction with Civil Society Institutions at the Domestic Policy Directorate
at the Office of the Governor and Government of the Amur Region

ORCID: 0009-0000-5846-0892, email: larisa_pavlova_22@mail.ru

Government of the Amur Region, Blagoveshchensk, Russia

Abstract

A cross-cultural analysis of the results of an empirical study conducted among the elderly in Russia and China has been carried out. The study has been conducted on the basis of survey data. The purpose of the study is to compare key aspects of the elderly people's lives in both countries, including social and psychological well-being, health, economic activity, and participation in society. The research methodology includes a quantitative analysis of survey data using statistical methods to identify statistically significant differences and relationships among variables. The main study results demonstrate psychological and cultural differences in the perception of their social status by elderly people in Russia and China. For example, in Russia there is a lower level of social activity, while in China there is a greater involvement in family ties and traditional forms of employment after retirement. The study results may be useful for more effective social programs in Russia to improve the quality of life of the elderly. The research prospects include further in-depth study of factors affecting the psychological well-being of the elderly, considering the socio-cultural characteristics of the Russia's and China's regions. In order to form a socially active elderly population, cultural contexts must be considered when developing and implementing comprehensive programs for the elderly. A longitudinal study of the factors of the elderly people's social activity in socio-economic conditions is also required.

Keywords

Elderly people, cross-cultural analysis, Russia, China, questionnaire, psychological well-being, social well-being, aging

For citation: Pavlova L.B. (2026) Cross-cultural analysis of social status perception by elderly people in Russia and China. *Vestnik universiteta*, no. 2, pp. 275-287.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что проблема старения населения представляет собой одну из наиболее значимых социально-демографических тенденций XXI в., оказывающую существенное воздействие на экономическое развитие, систему здравоохранения и социальную политику государств. Российская Федерация (далее – РФ, Россия) и Китай, являясь странами с высокой и быстро-растущей численностью пожилых граждан, сталкиваются с необходимостью разработки действенных стратегий по обеспечению их благополучия и активного долголетия. Однако, несмотря на общие вызовы, социокультурные контексты старения в этих двух странах значительно отличаются, что обуславливает необходимость проведения межкультурных исследований для выявления специфических потребностей и проблем пожилых людей в каждом регионе.

В рамках академического анализа факторов, определяющих вовлеченность граждан в общественные процессы, научное сообщество выделяет психологические предикторы как ключевой элемент общественного развития и индивидуальной самореализации. В частности, доказано, что экстраверсия как одна из наиболее изученных характеристики личности имеет статистически значимую связь с уровнем социальной активности. Люди с выраженной экстраверсией склонны к активному установлению социальных контактов, демонстрируют высокий уровень энергии и стремление к взаимодействию с социумом. Для экстравертов также характерны легкость в установлении межличностных связей, открытость новому опыту и стремление к реализации социального потенциала. Такой предиктор, как просоциальное поведение, охватывает следующие качества личности: альтруизм, эмпатия и готовность оказывать помощь другим. Данный предиктор также является значимым фактором социальной активности [1].

Самозффективность рассматривается как «уверенность человека в своей способности успешно справляться с поставленными задачами и достигать желаемых целей, играет важную роль в определении уровня социальной активности» [2, с. 46]. Более того, вера в собственные силы стимулирует активное участие в общественной жизни, помогает преодолевать препятствия и инициировать собственные проекты. Современные исследования демонстрируют, что люди с высоким уровнем самозффективности более склонны к занятию лидерских позиций, участию в добровольческой деятельности и политической жизни [3, с. 57]. Еще один предиктор – социальные установки и ценности, формирующиеся с течением времени, – оказывают существенное влияние на уровень социальной активности индивида. Убеждения, касающиеся социальной справедливости, равноправия, демократии и прав человека, формируют мотивацию к участию в общественной жизни и отстаиванию своих убеждений.

В современной психологии все большее внимание уделяется роли психологического благополучия в контексте общественной активности: влияние психологических предикторов на социальную активность может быть опосредовано рядом контекстуальных факторов, таких как социально-экономический статус, культурные нормы и доступность ресурсов. На наш взгляд, влияние психологических предикторов опосредовано контекстуальными факторами, в числе которых социально-экономический статус и культурные нормы.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Теоретическим фундаментом исследования служат современные концепции старения, разработанные как в России, так и в Китае, с особым вниманием к межкультурным исследованиям. В России в области геронтологии и социальной работы с пожилыми людьми активно развивается медико-социальное направление исследований. В своей работе Т.В. Дробышева и Т.П. Емельянова исследуют коллективные чувства представителей разных групп общества в отношении значимых социальных явлений [4]. В частности, психологические аспекты социальной активности рассматриваются в работе Е.В. Ермолаевой [5]. Кроме того, необходимо отметить работы по психологическим аспектам старения и проблемам психоэмоционального благополучия пожилых людей [6]. Надо сказать, что в Китае исследования старения активно поддерживаются правительством, поскольку нацелены на решение практических задач увеличения продолжительности жизни и улучшения ее качества в пожилом возрасте [7].

Исследование Е.И. Холостова посвящено вопросам социальной работы с пожилыми людьми и анализу современных подходов к организации социальной помощи [8]. В работах Х. Чжан и Л. Чэнь проводится анализ факторов, влияющих на здоровье и благополучие пожилых людей в сельской местности [9; 10].

В исследованиях указанных авторов также рассмотрена роль состояния здоровья в формировании социальной активности пожилых людей, причем особое внимание отводится изучению роли семьи в обеспечении ухода за пожилыми людьми и анализу изменений в структуре семьи, вызванных миграцией и урбанизацией.

В работе Р.М. Шамионова разработан диагностический инструментарий для определения социальной активности в эмпирических исследованиях: исследователями выделены 18 шкал активности, реализация социальной активности выявлялась с помощью шкалы размерностью в 1–5 пунктов [11].

Основные научные публикации затрагивают проблемы социальной адаптации пожилых людей и влияния социокультурных факторов на процесс старения, причем большинство научных работ концентрируются на вопросах социальной инклюзии пожилых людей и преодоления дискриминации по возрасту. В частности, в одной из своих работ Р.М. Шамионов подчеркивает: «Анализ социальной адаптации личности в условиях изменения жизненной ситуации предполагает не просто выяснение вопроса об уровне адаптированности в разных случаях, но изучение динамики и качественных составляющих этого процесса, а также тех усилий или обстоятельств, которые приводят к определенному его результату – состоянию адаптированности или дезадаптированности» [12, с. 385].

Тезисы работ В.Н. Ярской подтверждаются в отчетах Организации Объединенных Наций, в которых представлены также межкультурные исследования старения, которые показывают, что представления о старении, отношение к пожилым людям и формы социальной поддержки значительно различаются в разных культурах [13]¹. Такая ситуация логически приводит к адаптации подходов и методов социальной работы с пожилыми людьми с позиций социокультурных различий.

Настоящее исследование содержит анализ эмпирических данных, полученных в результате анкетирования пожилых граждан в России и Китае, которое было проведено для сопоставления ключевых аспектов социального благополучия, состояния здоровья, экономической активности и участия в общественной жизни. Проблематика исследования обусловлена недостаточно изученным влиянием культурных факторов на процесс старения.

Целью настоящего исследования является проведение сопоставительного анализа данных анкетирования, определение статистически значимых различий и выявление общих закономерностей в жизни пожилых людей в России и Китае.

На основании анализа теоретического базиса и эмпирических данных выдвигается гипотеза о том, что социокультурные факторы, среди которых можно отметить семейные традиции, системы социальной поддержки и экономические условия, оказывают существенное влияние на уровень социального благополучия, здоровья и экономической активности пожилых людей в России и Китае, при этом различия в этих факторах обуславливают особенности ответов респондентов в рамках проведенного анкетирования.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках исследования применялся количественный метод сбора информации – анкетирование, причем анкета включала вопросы для оценки различных аспектов жизни пожилых людей, включая социально-экономический статус, состояние здоровья, социальную активность, уровень удовлетворенности жизнью и степень вовлеченности в принятие решений местного сообщества. Выборка респондентов осуществлялась на основе стратифицированной случайной выборки с учетом региональных особенностей, возрастных групп. В России анкетирование проводилось в ряде регионов, представляющих различные социально-экономические условия и культурные традиции. В Китае, как и в России, выборка охватывала как городские, так и сельские местности, что позволило учесть различия в условиях жизни пожилых людей в разных частях страны.

Для анализа полученных данных применялись методы дескриптивной статистики и сопоставительный анализ результатов эмпирического исследования. В работе также применялись методы многомерного статистического анализа (например, факторный анализ и кластерный анализ) для выявления латентных факторов, влияющих на социальное благополучие пожилых людей.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В процессе подготовки к исследованию определена база для проведения эмпирического исследования на территориях сопредельных стран – России и Китая. В контингент исследования входили 418 граждан

¹ United Nations. World Population Prospects. Режим доступа: https://population.un.org/wpp/assets/Files/WPP2019_Highlights.pdf (дата обращения: 12.11.2025).

предпенсионного и пенсионного возраста от 50 лет и старше разного статуса, уровня образования, социальной активности – 214 проживающих в дальневосточных регионах РФ, 204 – в провинциях Китая.

В ходе основной части эмпирического исследования осуществлялись сбор материала, перевод и адаптация ответов китайских респондентов с языка путунхуа на русский язык. Проведена математико-статистическая обработка данных. Подвергнута проверке гипотеза о влиянии социокультурных факторов на уровень психологического и социального благополучия, здоровья и экономической активности пожилых людей в обеих странах. Проведена интерпретация корреляционных взаимосвязей и показателей значимости различий, проведен качественный анализ результатов.

Приведем описание социально-демографических характеристик пожилых респондентов, принявших участие в опросе (табл. 1). Отметим, что китайская выборка включает респондентов в возрасте 91 год и старше, что отличает ее от российской.

Таблица 1

Частотное распределение респондентов по возрастным группам

Возрастной диапазон	Граждане РФ		Граждане Китая	
	Количество респондентов, чел.	Частота, %	Количество респондентов, чел.	Частота, %
50–55 лет	20	9,3	44	21,6
56–60 лет	21	9,8	46	22,5
61–70 лет	110	51,4	56	27,4
71–80 лет	51	23,8	41	20,1
81–90 лет	12	5,6	15	7,3
91 год и старше	–	–	2	0,9
Всего	214	100,0	204	100,0

Составлено автором по материалам исследования

В табл. 2 отражены данные о половой принадлежности респондентов.

Таблица 2

Частотное распределение респондентов по половому признаку

Возрастной диапазон	Граждане РФ, %		Граждане Китая, %	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
50–55 лет	35,0	65	20,4	79,50
56–60 лет	28,6	71,4	41,3	58,70
61–70 лет	20,9	79,1	42,8	57,10
71–80 лет	11,7	88,2	60,9	39,02
81–90 лет	8,3	91,7	40,0	60,00
91 год и старше	–	–	–	100,00
Всего	20,1	79,9	40,7	59,30

Составлено автором по материалам исследования

В российской выборке в разных возрастных диапазонах и в выборке в целом преобладают респонденты женского пола. В китайской выборке наблюдается более равномерное распределение испытуемых по полу. Выраженное доминирование респондентов женского пола отмечается в возрастном диапазоне 50–55 лет, 81–90 лет и 91 год и старше.

В табл. 3 отражены данные о семейном положении респондентов российской выборки.

**Частотное распределение данных о семейном положении респондентов
(российская выборка)**

Семейное положение	Распределение ответов, %					
	50–55 лет	56–60 лет	61–70 лет	71–80 лет	81–90 лет	Всего по выборке
Состою в официальном браке	70	76,2	48,1	31,2	8,3	46,9
Живу с партнером без регистрации брака	10	0,0	3,6	1,9	0,0	3,3
В разводе	15	14,3	19,1	11,7	0,0	15,5
Вдовствую	5	9,5	21,8	41,2	91,7	27,7
Я одинокий человек	0	0,0	7,2	11,7	0,0	6,6

Составлено автором по материалам исследования

В целом по выборке наибольшая доля приходится на респондентов, состоящих в браке (46,9 %). С увеличением возраста увеличивается доля респондентов, имеющих статус «вдовствую», что отмечается в возрастном диапазоне 61–70 лет до 21,8 % с 9,5 % в возрастном диапазоне 56–60 лет.

В табл. 4 отражены аналогичные данные по китайской выборке.

Таблица 4

**Частотное распределение данных о семейном положении респондентов
(китайская выборка)**

Семейное положение	Распределение ответов, %						
	50–55 лет	56–60 лет	61–70 лет	71–80 лет	81–90 лет	91 год и старше	Всего по выборке
Состою в официальном браке	45,4	80,4	80,3	78,4	33,3	–	68,1
Живу с партнером без регистрации брака	4,5	4,3	0,0	9,7	0,0	–	3,9
В разводе	11,3	10,8	0,0	0,0	0,0	–	4,9
Вдовствую	0,0	4,3	12,5	7,3	66,6	–	10,7
Я одинокий человек	38,6	0,0	7,1	4,8	0,0	100	12,2

Составлено автором по материалам исследования

В китайской выборке в целом прослеживается аналогичная тенденция. 68,1 % от общего объема выборки состоят в официальном браке. Отметим, что в возрастном диапазоне 50–55 лет 38,6 % респондентов отмечают, что имеют статус одинокого человека. В российской выборке в аналогичном возрастном диапазоне нет респондентов, выбирающих статус одинокого человека.

В возрастном диапазоне 81–90 лет большая часть респондентов китайской выборки (66,6 %) отмечает наличие семейного статуса «вдовствую», тогда как в русскоязычной выборке это соотношение меняется уже в возрастном диапазоне 71–80 лет. Данный факт отражает продолжительность жизни в России и Китае.

В табл. 5 отражены данные об образовании респондентов. В российской выборке 52,8 % респондентов имеют высшее образование и 15,1 % – более одного высшего. В китайской выборке высшее образование имеют только 14,7 % респондентов и 8,3 % – более одного высшего. Большая часть респондентов китайской выборки (37,2 %) имеет среднеспециальное образование.

Таблица 5

Частотное распределение данных об образовании респондентов

Варианты ответов	Распределение ответов, %						
	50–55 лет	56–60 лет	61–70 лет	71–80 лет	81–90 лет	91 год и старше	Всего по выборке
Российская выборка (n = 214)							
Среднее (только школа)	5,0	10,0	3,6	4,0	0,0	–	4,20
Начальное профессиональное	0,0	0,0	3,6	0,0	0,0	–	1,90
Среднеспециальное	20,0	20,0	25,4	30,0	33,3	–	25,90
Высшее	50,0	45,0	49,1	62,0	66,7	–	52,80
Более одного высшего	25,0	25,0	18,2	4,0	0	–	15,10
Китайская выборка (n = 204)							
Среднее (только школа)	6,8	2,2	35,7	39,02	46,7	0	23,04
Начальное профессиональное	9,1	17,4	19,6	21,9	13,3	0	16,70
Среднеспециальное	52,3	47,8	26,8	24,4	26,7	100	37,20
Высшее	15,9	19,5	14,3	12,2	6,7	0	14,70
Более одного высшего	15,9	13,04	3,6	2,4	6,7	0	8,30

Составлено автором по материалам исследования

Отметим также, что в китайской выборке 23,04 % респондентов имеют только школьное образование. В возрастных диапазонах 61–70 лет, 71–80 лет, 81–90 лет количество респондентов, имеющих только школьное образование, является доминирующим в китайской выборке. В возрастных диапазонах 50–55 лет и 56–60 лет у большинства респондентов китайской выборки образование среднеспециальное.

Данные о наличии научной степени у респондентов обеих выборок представлены в табл. 6.

Таблица 6

Частотное распределение ответов на вопрос о наличии у респондентов научной степени

Варианты ответов	Распределение ответов, %						
	50–55 лет	56–60 лет	61–70 лет	71–80 лет	81–90 лет	91 и старше	Всего по выборке
Российская выборка (n = 214)							
Да	30,0	33,30	6,4	0	0	–	9,5
Нет	70,0	66,70	93,6	100	100	–	90,5
Китайская выборка (n = 204)							
Да	15,9	13,04	5,4	0	0	0	7,8
Нет	84,1	86,90	94,6	100	100	100	92,1

Составлено автором по материалам исследования

В обеих выборках у большинства респондентов научная степень отсутствует: 90,5 % в российской выборке и 92,1 % – в китайской. В возрастных диапазонах 50–55 лет и 56–60 лет в российской выборке число респондентов с научной степенью в два раза выше, чем в китайской.

В российской выборке отмечаются примерно одинаковые процентные доли пожилых людей, продолжающих и не продолжающих свою трудовую деятельность. Так, 45,7 % респондентов продолжают

трудовую деятельность. Анализ данных по возрастным диапазонам показал, что происходит постепенное снижение количества респондентов, занимающихся трудовой деятельностью, с 90 % в возрасте 50–55 лет до 16,3 % в возрасте 71–80 лет. В возрасте 81–90 лет количество таких респондентов снова увеличивается до 58,3 %.

В китайской выборке в целом только 32,3 % респондентов продолжают свою трудовую деятельность. При этом они раньше, чем российские респонденты, перестают работать. В возрасте 61–70 лет только 12,5 % китайских респондентов продолжают трудиться, тогда как в российской выборке в этом возрастном диапазоне продолжают работать 41,7 % респондентов. С 71 года и старше в китайской выборке нет респондентов, продолжающих профессиональную деятельность. Такое распределение данных отражает особенности менталитета респондентов двух стран и их различные представления о пожилом возрасте.

ИЗМЕРЕНИЕ КРИТЕРИЯ «СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ»

Респондентам обеих выборок был задан вопрос «Что такое, по Вашему мнению, социальная активность?». Это был открытый вопрос, что позволило определить специфику понимания респондентами этого понятия.

В российской выборке самым часто встречающимся был ответ «участие в общественной жизни». Его написали 42,05 % респондентов. При этом они не уточняли, что именно имеют в виду. Следующими по частоте были такие ответы, как:

- «помощь окружающим людям» (18,2 %);
- «неравнодушие к проблемам людей, страны, города» (10,7 %);
- «активная жизненная позиция» (10,7 %).

Самые популярные ответы на вопрос позволяют составить только приблизительное представление о том, как респонденты понимают социальную активность.

В ответах респондентов, давших ответ «помощь окружающим людям» (18,2 %), можно увидеть конкретизацию: это помощь нуждающимся, больным, пожилым и др. Одинаковое количество респондентов считают, что социальная активность – это «неравнодушие к проблемам людей, страны, города» и «активная жизненная позиция». Такие ответы дают по 10,7 % опрошенных.

Социальную активность как волонтерскую деятельность понимают 7,4 % респондентов. 5,6 % пожилых людей считают «занятие своим хобби» социальной активностью, 4,2 % уверены, что это «взаимодействие с социальной средой», а для 3,7 % респондентов социальная активность представляется как «работа». Часть опрошенных (0,9 %) отметили, что социальная активность – это полноценная жизнь.

В ответах китайских респондентов отражено несколько иное восприятие: их ответы носят более конкретный характер. 34,3 % пожилых людей отметили, что социальная активность – это общение с другими людьми, взаимодействие с ними. Вторым по частоте встречаемости был ответ «работа на благо общества» (15,7 %). Для части респондентов (12,7 %) социальная активность представляет собой работу (трудовую деятельность). Социальную активность как готовность помогать другим понимают 9,3 % респондентов. В своих ответах они отмечают, что быть социально активным значит быть нужным.

Социальная активность для 8,8 % пожилых людей в китайской выборке связана с умением заводить друзей, общаться с ними. 5,4 % респондентов связывают социальную активность с потребностью чувствовать жизнь, сделать ее более насыщенной, получить удовлетворение. В то же время 5,8 % отметили, что это та деятельность которой занимаются многие, чтобы приятно провести время. Таких ответов в российской выборке нет.

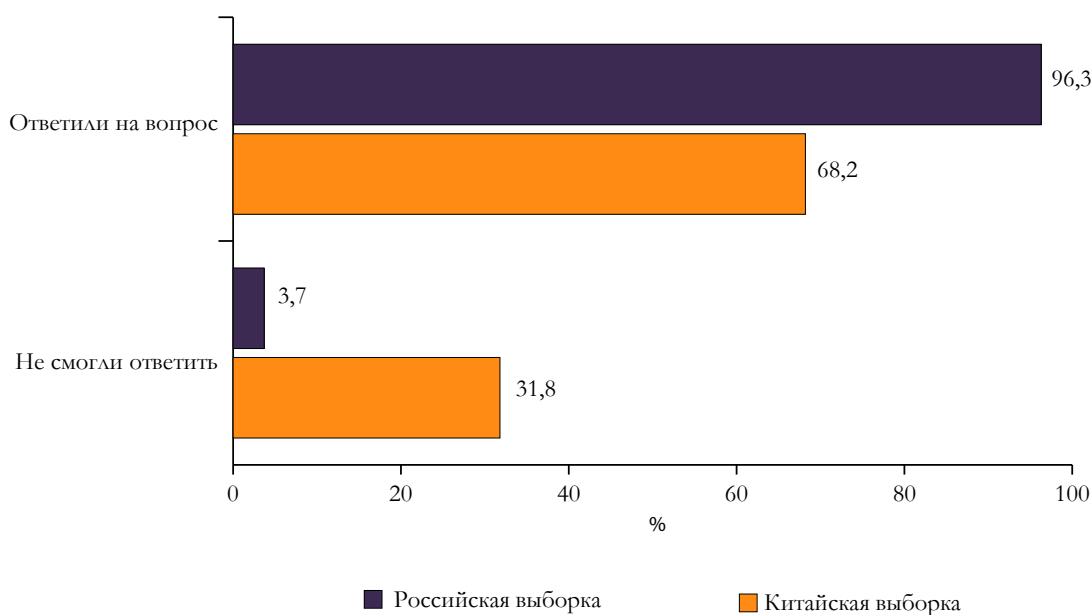
7,3 % пожилых людей китайской выборки отметили, что готовы быть социально активными, только чтобы «не сидеть дома с домашними делами». 7,8 % считают, что социальная активность – это здоровый образ жизни, занятия спортом. В российской выборке подобные ответы отсутствуют. В китайской встречались также такие ответы, как «коллективные развлечения (чайная церемония, обед с дегустацией)» (5,4 %), «учиться в университете для пожилых людей» (2,9 %), «деятельность, которая необходима каждому» (0,9 %).

Важно отметить, что в российской выборке не смогли ответить на этот вопрос 1,4 % респондентов, в китайской выборке таких респондентов оказалось 7,3 %. Они писали, что не понимают, что это: «не могу ответить», «не знаю».

Для 19,2 % респондентов социальная активность сводится к работе, они продолжают осуществлять трудовую деятельность. В воспитании подрастающего поколения участвуют 16,8 % респондентов. 7,5 % респондентов отметили, что проявляют свою социальную активность в форме служения государству.

В китайской выборке 34,5 % респондентов, которые считают себя социально активными, отмечают, что занимаются разными видами спорта. Самым частым был ответ «хожу в парк делать гимнастику», вторым по частоте встречаемости – «танцую в ансамбле». Этот ответ дают 27,9 % респондентов. Одинаковое количество респондентов отмечает, что они «работают» (22,05 %) и «общаются с друзьями, гуляют с ними в парке» (22,05 %). 16,2 % респондентов китайской выборки отмечают, что они «поют (в том числе в караоке)». 13,2 % в качестве предпочитаемого занятия как социально активного человека называют игры в шахматы, домино, настольный теннис.

На рисунке представлено, что полезного хотелось бы реализовать пожилым людям в своем городе/селе/регионе/стране. Данный вопрос в целом направлен на выяснение готовности респондентов проявлять социальную активность, участвовать в жизни территории проживания.

Составлено автором по материалам исследования

Рисунок. Частотное распределение ответов респондентов на вопрос «Что полезного Вам бы хотелось реализовать в своем городе или селе/регионе/стране?»

В целом готовыми проявлять социальную активность в российской выборке оказались 96,3 % респондента и 68,2 % – в китайской. Различия статистически достоверны ($\chi^2_{эмп} = 8,309$ при $p \leq 0,01$). В российской выборке только 3,7 % респондентов не смогли предложить вариант ответа. Остальная часть предлагала различные варианты изменений. Самым популярным ответом стало «благоустройство». Такой вариант предложили 24,3 % респондентов. Под благоустройством они понимают: посадить деревья, убрать мусор, поставить лавочки, отремонтировать сквер и др. 17,7 % респондентов отметили, что готовы реализовать организацию досуга для населения. Этот ответ не имел пояснений. Третьим по популярности стал ответ «озеленение». Так ответили 7,9 % респондентов, что можно отнести к благоустройству. По 4,2 % респондентов предложили варианты «обучать полезным навыкам» и «создание условий для большего вовлечения людей в активный образ жизни».

В китайской выборке 31,8 % респондентов не смогли дать ответ на вопрос, что может быть связано с тем, что они в целом удовлетворены тем, как организована их жизнь. Это мы можем видеть также в ответах. Так, 7,3 % респондента отметили, что у них есть все, что нужно. Это был второй по частоте ответ. 6,8 % предлагают участвовать в волонтерских программах, а 6,4 % готовы открыть больше клубов по интересам для пожилых людей.

В китайской выборке были ответы, которые по своему характеру значительно отличались от ответов российских респондентов, например, «я люблю свою Родину и готова сделать то, что нужно для

страны», «много сделал за долгую жизнь», «увеличить количество населения в Хэйхэ», «организовать возможность уезжать пожилым зимой на юг», «хочу сдавать кровь, но пожилым не разрешают быть донорами», «хочу участвовать в продолжении китайско-российских дружеских отношений», «поддержка сирот», «создать фабрику, чтобы дети работали рядом и не уезжали далеко от старых родителей». Все эти ответы социально ориентированы.

Следующий вопрос анкеты позволил определить мнение респондентов о том, почему их ровесники проявляют социальную активность.

В российской выборке наиболее часто респонденты называли такие причины, как:

- желание помогать людям (14,01 %);
- из-за необходимости в общении (14,01 %);
- так воспитаны (11,2 %);
- из-за желания делиться знаниями (9,3 %);
- желание быть нужным (7,9 %);
- из-за активной жизненной позиции (7,5 %);
- из-за наличия у них свободного времени (6,1 %).

Только 5,1 % пожилых людей отметили, что их сверстники занимаются социальной активностью, потому что это им приносит удовольствие, а 6,1 % считают, что им позволяет это делать здоровье. Встречались и одиночные ответы, такие как «саморазвитие», «любовь к жизни», «желание», «больше нечем заняться», «неравнодушие к другим», «обостренное чувство справедливости», «неумение отказывать», «чувство долга», «желание участвовать в воспитании молодежи». Таким образом, ответы респондентов российской выборки ориентированы как на других, так и на себя, то есть отражены различные мотивы.

В китайской выборке была получена следующая иерархия ответов:

- чтобы общаться (17,6 %);
- чтобы получить положительные эмоции, им так интересно жить (11,7 %);
- потому что имеют общее хобби и интересы с другими людьми (9,3 %);
- из-за страха перед одиночеством (7,8 %);
- не знаю (7,3 %);
- желание оказывать помощь другим (6,8 %).

Отметим интересный факт, что в российской выборке респонденты дают ответ, что их ровесники занимаются социальной активностью, потому что «им позволяет здоровье» (6,1 %), а респонденты китайской выборки отмечают, что они это делают «для сохранения психического и физического здоровья» (5,8 %) и только 2,4 %, что им позволяет здоровье.

Статистически достоверными являются различия по таким мотивам, как:

- желание помочь ($\varphi^*_{эмп} = 2,402$ при $p \leq 0,01$);
- позволяет здоровье ($\varphi^*_{эмп} = 1,85$ при $p \leq 0,05$).

Оба эти мотива в российской выборке выражены в большей степени, чем в китайской.

В обеих выборках есть мотив наличия свободного времени. В китайской выборке 4,9 % респондентов отметили, что их ровесники социально активны из-за наличия свободного времени.

Если в российской выборке активная жизненная позиция как причина указывалась 7,5 % респондентами, то в китайской этот мотив выбирают 4,4% респондентов. В китайской выборке было получено большое количество однократных ответов: «из-за того, что этого может требовать работа», «для того, чтобы найти свое место в обществе», «чтобы не заскучать», «есть потребность что-нибудь делать вне дома», «много нерастраченной энергии», «хотят сделать полезное для процветания Китая», «жить полноценно», «продлить жизнь», «хотят быть причастными к значимым событиям» и др.

В китайской выборке более значимыми оказались мотивы общения. В целом иерархия представлений пожилых людей в китайской выборке в большей степени личностно ориентирована.

Если в российской выборке на первом месте находится мотив «желание помогать людям», то в китайской этот мотив занимает только 6-е место. Китайские пожилые люди больше ориентированы на собственную жизнь, получение удовольствия от нее. Кроме того, мотив «из-за боязни одиночества» выявлен только в китайской выборке.

В табл. 7 представлены данные о 10 ведущих качествах характера, которые пожилые люди обеих стран считают наиболее значимыми для социальной активности.

Частотное распределение данных на вопрос «Какие качества характера наиболее значимы для социальной активности?»

Российская выборка	Китайская выборка
Коммуникабельность, общительность (26,6 %)	Доброта, добросердечность (32,8 %)
Оптимизм, жизнелюбие (16,35 %)	Открытость, открытость миру (25,5 %)
Доброта, доброжелательность (16,35 %)	Жизнелюбие, оптимизм (21,5 %)
Отзывчивость, равнодушие (11,2 %)	Активная жизненная позиция, активность, энергичность (15,7 %)
Энергичность, активность (10,3 %)	Коммуникабельность, общительность (7,8 %)
Лидерство, лидерские качества (10,7 %)	Желание помочь (7,8 %)
Упорство, целеустремленность (9,8 %)	Здоровый образ жизни, хорошее здоровье (7,8 %)
Трудолюбие (9,3 %)	Честность, правдивость (6,4 %)
Ответственность (9,3 %)	Настойчивость, умение добиваться цели (4,9 %)
Желание помочь (6,5 %)	Внимательный (3,9 %)
Сострадание (5,6 %)	Неравнодушие, отзывчивость (3,9 %)

Составлено автором по материалам исследования

Из табл. 7 видно, что в обеих выборках наиболее значимые качества, необходимые для социальной активности в целом совпадают, но имеют разный уровень значимости. Так, в российской выборке самым часто встречающимся в ответах респондентов было качество «коммуникабельность, общительность» (26,6 %), тогда как в китайской опрошенные называют это качество как важное и необходимое, но занимает оно 5-е место по частоте встречаемости. Китайские респонденты большее значение придают такому качеству, как «доброта, добросердечность». В ответах российской выборки преобладают социально-одобряемые качества личности: «трудолюбие», «ответственность», «сострадание».

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ

Респонденты обеих выборок считают, что должно присутствовать желание помочь другому человеку. Однако в китайской выборке есть ответ «хорошее здоровье», «открытость миру», а в российской выборке такие ответы не были обнаружены.

Отметим, что в китайской выборке 4,4 % респондентов не смогли ответить на вопрос. В российской выборке таких вариантов ответов не было. Можно предположить, что россияне имеют сформированное представление о том, какими качествами обладает социально активный человек. Такой образ формируется в обществе различными средствами, в том числе через средства массовой информации.

Результаты исследования демонстрируют, что в России наблюдается более высокий уровень социальной изоляции и одиночества среди пожилых людей, что, на наш взгляд, связано с недостаточной развитостью системы социальной поддержки и ограниченными возможностями для участия в общественной жизни.

В отличие от западных стран в Китае устоявшиеся устои семьи и прочные связи между разными поколениями содействуют поддержанию общественной вовлеченности и уменьшению социальной отчужденности лиц преклонного возраста, что находит отражение в ряде прикладных исследований [9]. Вместе с тем для страны характерна повышенная степень напряжения, обусловленная обязанностями по уходу за внуками и другими членами семьи, что оказывает неблагоприятное воздействие на психоэмоциональное благополучие пожилых граждан Китая, и данное заключение подкрепляется трудами китайских ученых [10].

Существенные отличия зафиксированы также в области оказания медицинской помощи: в России граждане старшего поколения чаще указывают на наличие хронических заболеваний и испытывают затруднения в получении квалифицированной медицинской поддержки, особенно в сельских поселениях. В Китае прослеживается тенденция к увеличению жизненного срока и улучшению показателей здоровья среди пожилых людей, что в основном связано с развитием системы здравоохранения и программ, направленных на предупреждение заболеваний. Однако существует проблема неравномерного доступа к медицинским услугам для жителей городов и сельской местности, тем самым создавая дополнительные проблемы для пожилых людей, проживающих в отдаленных сельских районах.

По нашему мнению, полученные результаты демонстрируют корреляцию между уровнем образованности пожилых людей и их физическим состоянием в обеих странах: лица старшего возраста с более высоким уровнем образования, как правило, придерживаются более здорового образа жизни, чаще обращаются к врачам и демонстрируют лучшие показатели здоровья, что также подтверждается исследованиями Всемирной организации здравоохранения о влиянии образования на здоровье и долголетие².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное кросс-культурное исследование выявило значимые различия и общие закономерности в жизни пожилых людей в России и Китае: в частности, подтвердилась гипотеза о влиянии социокультурных факторов на уровень социального благополучия, здоровья и экономической активности пожилых людей в обеих странах. Как показало проведенное исследование, общими направлениями для обеих стран являются развитие системы образования для пожилых людей, стимулирование их участия в общественной жизни и создание условий для активного долголетия. Результаты исследования имеют практическое значение для органов государственной власти, социальных служб и некоммерческих организаций, занимающихся вопросами социальной защиты пожилых людей. Полученные данные могут быть полезны для разработки научно обоснованных программ по улучшению качества жизни пожилых людей. В связи с этим представляется перспективным проведение лонгитюдных исследований для изучения динамики изменений в жизни пожилых людей и выявление факторов, влияющих на их благополучие в долгосрочной перспективе.

Настоящее исследование также позволило выявить фундаментальные различия в социальной активности и благополучии пожилых людей в России и Китае, обусловленные социокультурным контекстом и особенностями государственной политики обеих стран. При этом основное качественное различие заключается в структуре мотивации респондентов: в России доминирует внешне-ориентированная, альтруистическая мотивация, основанная на образе «социально полезного человека», а в Китае преобладают личностно ориентированные мотивы, среди которых основным остается стремление к общению и получению положительных эмоций. При этом исходные условия социальной активности пожилых людей также различаются: в частности, российские респонденты чаще рассматривают здоровье как фактор для активности, в то время как в Китае здоровье чаще является как раз целью социальной активности. Наблюдается существенная разница в степени социальной интеграции пожилых людей в России и Китае: данные указывают на более высокую включенность пожилых китайцев в общественную деятельность и удовлетворенность, а в России все же выше уровень социальной изоляции. При этом для обеих обследованных выборок общей характеристикой является фактор образования, опосредующего здоровье и активность. Таким образом, российская модель характеризуется установкой на внешнюю полезность и преодоление ограничений, а китайская основана на внутреннем благополучии и коммуникативных аспектах.

Список литературы

1. Bengtson, V. L., Settersten, R. A. (eds.). Handbook of aging and the social sciences. Academic Press. – 2016.
2. Wang, Z. Health and well-being of older adults in rural China: A cross-sectional study. BMC Geriatrics. – 2023. – 23(1). – 45–56.
3. Гурко, Т. А. Социальная адаптация пожилых людей в современном обществе / Т. А. Гурко // Социологические исследования. – 2022. – № 3(48). – С. 56–67.
4. Дробышева, Т. В. Коллективные чувства представителей разных групп общества в отношении значимых социальных явлений / Т. В. Дробышева, Т. П. Емельянова // Информационный гуманитарный портал Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 4. – С. 52–65. – EDN VJFMWF.
5. Ермолаева, Е. П. Психология социальной реализации профессионала / Е. П. Ермолаева ; Институт психологии РАН. Том 1. – Москва: Издательство "Институт психологии РАН", 2008. – 347 с. – ISBN 978-5-9270-0146-0. – EDN QCTEIZ.
6. Краснова, О. В. Психологические аспекты старения и проблемы психоэмоционального благополучия пожилых людей / О. В. Краснова // Психология зрелости и старения. – 2020. – № 4. – С. 78–89.
7. Li, Y. The impact of pension policies on the economic well-being of older people in China. Journal of Gerontology: Social Sciences. – 2025. – 1. – 87–98.

² WHO. Global report on ageism. Режим доступа: <https://ami.group.uq.edu.au/files/2769/AGEISM%20report.pdf> (дата обращения: 12.11.2025).

8. Холостова, Е. И. Социальная работа с пожилыми людьми. Москва: Юрайт, 2021.
9. Zhang, H. Family support for older people in China: Trends and challenges. *Journal of Family Studies*. – 2022. – 4. – 567–578.
10. Chen, L. The impact of Tai Chi and Qigong on the health of older adults: Systematic review and meta-analysis. *Journal of Aging and Health*. – 2024. – 36(2). – 123–145.
11. Роль ценностей и вовлеченности молодежи в различные формы активности в предпочтении онлайн/офлайн среды / Р. М. Шамионов, Н. В. Суздальцев, Е. Е. Бочарова, Ю. А. Акаимова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. – 2023. – Т. 13, № 1. – С. 38–50. – DOI 10.21638/spbu16.2023.103. – EDN NXQJRF.
12. Шамионов, Р. М. Предикторы социально-психологической адаптации безработных и лиц, занятых в сфере труда / Р. М. Шамионов, Е. Н. Еремина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2017. – Т. 14, № 4. – С. 383–399. – DOI 10.22363/2313-1683-2017-14-4-383-399. – EDN ZRKOEJ.
13. Ярская, В. Н. Социальная инклюзия пожилых людей: преодоление дискриминации по возрасту / В. Н. Ярская // Журнал исследований социальной политики. – 2023. – № 2. – С. 34–45.

References

1. Bengtson, V. L., Settersten, R. A. (eds.) (2016). *Handbook of aging and the social sciences*. Academic Press.
2. Wang, Z. (2023). Health and well-being of older adults in rural China: A cross-sectional study. *BMC Geriatrics*, 23(1), 45–56.
3. Gurko, T.A. (2022). Social adaptation of older people in modern society. *Sociological Studies*, 3(48), 56–67. (In Russian).
4. Drobysheva, T. V., Emelyanova, T. P. (2015). Collective feelings of representatives of different groups of society regarding significant social phenomena. *Horizonty Gumanitarnogo Znaniya*, 4, 52–66. (In Russian).
5. Ermolaeva, E. V. (2008). *Psychology of social realization of a professional*. Institut Psikhologii Rossiyskoy Akademii Nauk. (In Russian).
6. Krasnova, O. V. (2020). Psychological aspects of aging and problems of psycho-emotional well-being of older people. *Psychology of Maturity and Aging*, 4, 78–89. (In Russian).
7. Li, Y. (2025). The impact of pension policies on the economic well-being of older people in China. *Journal of Gerontology: Social Sciences*, 1, 87–98.
8. Kholostova, E.I. (2021). *Social work with older people*. Moscow: Yurayt. (In Russian).
9. Zhang, H. (2022). Family support for older people in China: Trends and challenges. *Journal of Family Studies*, 4, 567–578.
10. Chen, L. (2024). The impact of Tai Chi and Qigong on the health of older adults: Systematic review and meta-analysis. *Journal of Aging and Health*, 36(2), 123–145.
11. Shamionov, R. M., Eremina, E. N. (2017). Predictors of socio-psychological adaptation of unemployed and employed individuals. *Saratov State University*, 4, 383–399. (In Russian).
12. Shamionov, R. M., Suzdaltsev, N. V., Bocharova, E. E., & Akaemova, Yu. A. (2023). The role of values and youth involvement in various forms of activity in the preference for online/offline environment. *Vestnik St. Petersburg University. Psychology*, 13(1), 38–50. (In Russian).
13. Yarskaya, V. N. (2023). Social inclusion of older people: Overcoming age discrimination. *Journal of Social Policy Research*, 2, 34–45. (In Russian).